

ЧАСТЬ ОФИЦИАЛЬНАЯ.

16969

Столѣтіе шрьвекаго, бывшаго дерптскаго универейтета ¹⁾.

12 декабря 1902 г. исполнилось столѣтіе юрьевскаго, бывшаго дерптскаго университета.

Столѣтіе—большой срокъ, даже въ жизни такого учрежденія, какъ университетъ, особенно большой и важный въ Россіи, при малочисленности русскихъ университетовъ, при крайней потребности страны въ прочныхъ и устойчивыхъ опорахъ высшаго образованія.

„Нелегко представить въ осязательныхъ чертахъ мѣру пользы, которая оказана университетомъ государству и обществу, говорилъ лѣтъ 20 тому назадъ проф. Владимірскій-Будановъ по поводу пятидесятилѣтія университета св. Владиміра. Умственные побѣды одерживаются не въ одинъ часъ... Сила знанія, подобно силѣ физическаго свѣта, дѣйствуетъ постоянно и равномерно, составляя ежеминутное условіе жизни всего живущаго“...

Одно изъ самыхъ необходимыхъ и основныхъ условій счастливой будущности нашего отечества заключается въ успѣхѣ научныхъ знаній; этотъ залогъ лежитъ преимущественно въ университетахъ, такъ какъ научныя изслѣдованія у насъ рѣдко появляются внѣ университетскихъ кафедръ. На университетахъ лежитъ двойственная задача—не только творчество науки въ независимомъ уединеніи отъ злобы дня, но и распространеніе ея среди колеблющихся условій современной жизни.

Дерптскій университетъ имѣлъ спеціальное большое значеніе передаточнаго пункта знанія. Во многихъ лицахъ и явленіяхъ Юрьевъ былъ тѣмъ мостомъ, по которому проходила издавна уже окрѣпшая въ Германіи университетская наука въ новые ея рассадники, возникшіе въ прошломъ столѣтіи на необозримыхъ равнинахъ восточной Европы, среди молодого, свѣжаго и даровитаго русскаго народа, въ университеты харьковскій, казанскій, кіевскій и др.

¹⁾ Въ основаніе настоящаго отчета Совѣту Харьковского университета я положилъ свои корреспонденціи въ „Южн. Краѣ“, во многомъ дополнивъ ихъ содержаніе. Проф. Н. Сумцовъ.

Дерптскій университетъ съ перваго момента своего возникновенія служилъ не только мѣстному краю, но и всей Россіи; господствующее о немъ представленіе, какъ представителѣ исключительно нѣмецкихъ интересовъ и симпатій, требуетъ ограниченія. Уже въ учредительной его грамотѣ 12 декабря 1802 г. выражено Высочайшее желаніе, чтобы дерптскій университетъ служилъ „распространенію человѣческихъ знаній въ нашемъ государствѣ и купно образованію юношества на службу отечества“. Еще болѣе подчеркнута эта цѣль въ первомъ параграфѣ его устава 1803 г., гдѣ прямо сказано, что университетъ этотъ „учрежденъ въ Россійской имперіи для общаго блага“.

Задача служенія общему благу воодушевляла лучшихъ его представителей, начиная съ его перваго знаменитаго ректора Георга Паррота, личнаго друга Императора Александра Благословеннаго, друга Сперанскаго и Жуковскаго.

Въ первые годы существованія дерпскаго университета торжественныя публичныя засѣданія устраивались около 6 или 7 разъ въ табельные дни—15 сентября (празднованіе коронаціи), 12 марта (день восшествія на престолъ Императора Александра I) и др., причемъ въ произносимыхъ профессорами рѣчахъ отводилось мѣсто великому общему отечеству, напримѣръ, въ рѣчи проф. Гаспара объ успѣхахъ русскихъ въ изученіи морей, въ рѣчи проф. Клейненберга о гуманности русскаго законодательства, въ рѣчи проф. Пешмана о положеніи женщины въ древней Руси.

Въ тяжелое время борьбы съ Наполеономъ дерптскій университетъ мобилизовалъ всѣ свои силы для облегченія участи больныхъ и раненныхъ. Въ 1807 г. въ университетскихъ клиникахъ лѣчилось подъ надзоромъ профессоровъ 1000 человѣкъ изъ состава русской арміи, въ 1812 г.—1600 г.,—цифра крупная, если принять во вниманіе, что въ Дерптѣ жителей въ 1802 г. было около четырехъ тыс., а въ 1830 г. около 8 тысячъ. Въ 1811 г. профессоръ русскаго языка и словесности Кайсаровъ произнесъ рѣчь „о любви къ отечеству“, а въ 1812 г. онъ вмѣстѣ съ профессоромъ политической экономіи Рамбахомъ принималъ въ войнѣ личное участіе и былъ убитъ въ сраженіи при Гайнау въ 1813 г. Когда изъ заграницы провозили черезъ Дерптъ тѣло Кутузова, проф. Моргенштернъ сказалъ надъ гробомъ патріотическую рѣчь, а ректоръ Парротъ возложилъ на гробъ вѣнокъ отъ имени университета. Въ одной рѣчи проведена та мысль, что „на будущія времена слова Россъ и спаситель Европы будутъ синонимателъны“. Любопытно при этомъ заявленіе профессора нѣмца и на нѣмецкомъ языкѣ, что русскій народъ—„благородная нація, къ которой мы гордимся быть

сопричислены“. Ораторъ далѣе мотивируетъ свое чувство гордости тѣмъ, что Россія освободительной войной щедро оплатила Западной Европѣ за воспринятое у нея Петромъ Великимъ образованіе. Нужно отдать справедливость старому дерптскому университету; въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей онъ не мало потрудился для научнаго преуспѣянія русскаго народа, раскрывая широко свои двери для такихъ даровитыхъ его сыновъ, какъ Пироговъ и Лунинъ, и выпуская изъ своей научной среды такихъ хорошо подготовленныхъ работниковъ научнаго знанія, какъ Бэръ, Сруве, какъ покойные нынѣ профессора харьковскаго университета В. Лапшинъ, Валицкій, Вагнеръ, Делленъ и Грубе.

И рядовые университетскіе люди въ совокупности составляютъ крупную величину, особенно на протяженіи сотни лѣтъ, въ тысячахъ работниковъ. Какъ бы ни былъ скромнѣе кругъ дѣйствія каждаго изъ нихъ, сумма общихъ усилій составляетъ побѣду знанія, торжество цивилизаціи, зародышъ котораго надо отыскивать въ томъ мѣстѣ, гдѣ эти знанія приобрѣтены.

Совершенно основательна та точка зрѣнія, которая засчитываетъ заслуги не только за лицами, но и за воспитавшими ихъ учрежденіями.

Если невѣдомый и темный человѣкъ, говоритъ проф. Будановъ, спасенъ отъ смерти врачомъ, то онъ обязанъ жизнью столько же этому врачу, сколько и тому заведенію, которое его приготовило.

Если гнусный порокъ прежнихъ временъ—продажность администраціи и суда—постепенно исчезаютъ, то поставимъ это въ честь и въ славу какъ новыхъ дѣятелей администраціи и суда, такъ и того учрежденія, гдѣ воспитались ихъ нравственные принципы.

Если тысячи людей получили воспитаніе въ гимназіяхъ, то они обязаны умственнымъ возрожденіемъ какъ своимъ учителямъ, такъ и давшимъ ихъ учрежденіямъ.

Нити умственного родства передаются слѣдующимъ поколѣніямъ и развѣтвляются въ безконечность, гдѣ не можетъ прослѣдить ихъ никакая статистика.

Дерптскій и вскорѣ за нимъ возникшій харьковскій университеты счастливы тѣмъ, что своими первыми устроителями—ректорами имѣли людей выдающихся дарованій, соединявшихъ въ себѣ доброе сердце съ свѣтлымъ умомъ; для Харькова такимъ кладомъ былъ И. С. Рижскій, рано умершій (1761—1811); для Дерпта гораздо болѣе долговѣчный Георгъ Парротъ (1767,—† 1852), скончавшійся въ глубокой старости, полвѣка спустя послѣ основанія дерптскаго университета.

Георгъ Парротъ родился во Франціи въ Монбельярѣ, образованіе получилъ въ Штутгартѣ. Онъ соединялъ въ своей богато одаренной

отъ природы личности живость французскаго темперамента съ серьезной положительностью нѣмецкаго воспитанія. Въ Лифляндію онъ переселился въ 1795 году въ положеніи домашняго учителя, скоро выдвинулся въ роли секретаря мѣснаго „Общепользнаго Общества“, въ 1801 году получилъ отъ кенигсбергскаго университета ученую степень доктора философіи, переселился въ Дерптъ, открылъ частный курсъ популярной механики, а съ открытіемъ университета получилъ мѣсто профессора физики и ректора. Хотя ректоромъ Царротъ пробылъ всего около трехъ лѣтъ, но его глубокое вліяніе на всѣ дѣла и вопросы университетской жизни фактически не прекращалось до конца его службы въ университетѣ въ 1826 г., когда онъ переселился въ Петербургъ въ положеніи члена академіи наукъ. Историкъ дерптскаго университета проф. Е. В. Пѣтуховъ говоритъ, что огромное значеніе Паррота въ первоначальной жизни университета было обусловлено не только личными его отношеніями къ Государю, но и необыкновенной разносторонностью образованія, опытностью, неисчерпаемой энергіей и непреклонной силой воли.

Сближеніе Паррота съ Императоромъ Александромъ I началось съ 1802 года, со времени его знаменитой рѣчи при проѣздѣ Императора черезъ Дерптъ. Эта блистательная рѣчь на французскомъ языкѣ, характерная для всей той эпохи, кончалась такой торжественной клятвой, отъ имени профессоровъ:

„Dieu suprême! nous jurons en Ta présense, en présense de Ton image chérie, de consacrer nos veilles et nos talents à l'emploi que Tu nous as confié, de travailler avec zèle et fidélité à répandre des lumières utiles. Nous jurons de respecter l'humanité dans toutes les classes et sous toutes les formes; de ne distinguer le pauvre du riche, le faible du puissant, que pour vouer au pauvre et au faible un intérêt plus actif et plus tendre. Nous jurons que chaque action de notre Monarque, chaque bienfait qu'il répandra sur son peuple nous rappellera la sainteté de nos devoirs“.

То есть „Боже всемогущій! передъ твоимъ святымъ образомъ мы обѣщаемъ посвятить всѣ наши усилія и способности на развитіе дарованныхъ намъ Тобой талантовъ и работать для распространенія свѣта полезныхъ знаній. Мы клянемся быть одинаково гуманными къ людямъ безъ различія ихъ сословнаго или общественнаго положенія, во всѣхъ отношеніяхъ, не различая бѣдныхъ отъ богатыхъ, слабыхъ отъ сильныхъ, чтобы и бѣдному, и слабому облегчить тяжесть жизни и сдѣлать ее радостной. Мы даемъ клятву, что каждое изъ тѣхъ благодѣяній, которыя Государь окажетъ своему народу, будетъ лишь утверждать насъ въ сознаніи святости нашего долга“.

Императоръ былъ очень тронутъ, благодарилъ и взялъ себѣ списокъ рѣчи.

Съ этого времени началась знаменитая дружба могущественнаго Монарха съ скромнымъ ученымъ. Баронъ Корфъ такъ говоритъ объ этихъ отношеніяхъ: „Парротъ не только былъ облеченъ правомъ, которымъ и пользовался очень часто, писать къ Государю въ тонѣ не подданнаго, а друга, о всемъ, что хотѣлъ, о предметахъ правительственныхъ, домашнихъ, сердечныхъ; не только получалъ самыя задушевные письма, но и при каждомъ своемъ нрѣздѣ въ Петербургъ шелъ прямо въ кабинетъ Государя, гдѣ по цѣлымъ часамъ оставался наединѣ съ царственнымъ хозяиномъ. Александръ, со всѣмъ порывомъ сердечной теплоты, искалъ пріобрѣсти и упрочить дружбу скромнаго ученаго, нерѣдко довѣряя ему свои тайны, государственныя и частныя. Этотъ ученый былъ честный, умный, добросовѣстный, болѣе мечтатель, нежели практикъ, всегда правдивый и прямодушный, съ безкорыстіемъ и смѣлостью человѣка ничего не искавшаго и даже отклонявшаго всякое внѣшнее проявленіе милости. Далекій отъ лести, строгій въ своихъ приговорахъ, онъ постепенно присвоилъ себѣ роль и права сокровеннаго ментора“.

Дружба эта продолжалась до 1812 года, но затѣмъ послѣдовало охлажденіе, въ виду нѣкоторыхъ существенныхъ разногласій. Въ то время какъ Парротъ оставался свободнымъ мыслителемъ и раціоналистомъ, Императоръ Александръ сталъ склоняться въ сторону религіозно-мистическаго настроенія. Хорошія отношенія ко Двору Парротъ сохранилъ не только при Императорѣ Александрѣ I, но и при Императорѣ Николаѣ Павловичѣ. Если общерусское значеніе этихъ отношеній представляется невыясненнымъ (письма Паррота касались освобожденія крестьянъ, лихоимства и, повидимому, имѣли вліяніе), то значеніе мѣстное было весьма благотворно въ смыслѣ огражденія университетской свободы и предоставленія университету разныхъ льготъ.

Парротъ былъ чуть ли не самой крупною величиною въ первыя десятилѣтія дерптскаго университета. Онъ оставилъ болѣе 80 ученыхъ работъ по физикѣ, медицинѣ, химіи и метеорологіи, не считая множества журнальныхъ и популярныхъ статей.

Жизненная обстановка Паррота была очень скромная. В. А. Жуковскій въ 1817 г. хлопоталъ передъ своими богатыми и вліятельными друзьями о пособіи Парроту. „Парротъ, лучшій изъ профессоровъ дерптскаго университета, писалъ Жуковскій А. Тургеневу, долженъ будетъ, чтобы избѣжать долговъ, продать свои домишки и искать учительскаго мѣста, т. е. послѣ ревностныхъ трудовъ и въ такую пору жизни, въ

которой надобно было бы спокойно наслаждаться плодами этих трудов, онъ принужденъ будетъ остаться съ бѣдностью, съ разрушенными надеждами. Это сжимаетъ мнѣ сердце... Однимъ словомъ, заканчиваетъ Жуковский письмо, какъ вы хотите, а профессорамъ суммы не давайте...“ Изъ другого письма Жуковского видно, что со стороны его друзей Парроту было оказано какое то содѣйствіе.

Въ теченіе столѣтія ректорами Дерптскаго, нынѣ Юрьевскаго университета были:

- 1802—1803 Г. Парротъ.
- 1803—1804 Балкъ.
- 1804—1805 Каспари.
- 1805—1806 Г. Парротъ (снова).
- 1806—1808 Мейеръ.
- 1808—1810 Дейтшъ,
- 1810—1812 Гриндель.
- 1812—1813 Г. Парротъ (снова).
- 1813—1814 Стиксъ.
- 1814—1816 Рамбахъ.
- 1816—1817 Штольцеръ.
- 1817—1818 Гизе.
- 1818—1830 Эверсъ.
- 1831—1834 Фр. Парротъ.
- 1834—1836 Мойеръ.
- 1836—1839 Нейе.
- 1839—1842 Ульманъ.
- 1842— Фолькманъ.
- 1842—1851 Нейе.
- 1851—1858 Гаффнеръ.
- 1858—1865 Биддеръ.
- 1865—1868 Самсонъ.
- 1868—1876 Этингенъ.
- 1876—1881 Мейковъ.
- 1881—1885 фонъ Валь.
- 1885—1890 Ал. Шмидтъ.
- 1890—1892 Мейковъ.
- 1892—1901 А. С. Будиловичъ.
- 1901— А. Н. Филипповъ.

Такимъ образомъ изъ 26 именъ лишь два русскихъ.

Видную и своеобразную фигуру въ первое время существованія дерптскаго университета представлялъ проф. богословія *Лоренцъ Эверсъ*,

до вступленія на университетскую кафедру бывший долгое время въ Дерптѣ учителемъ. Не имѣя семьи и ограниченный въ своихъ личныхъ потребностяхъ, онъ, не разбирая случаевъ, дѣлалъ добро кому придется, въ той или иной формѣ, изъ непосредственного чувства христіанскаго состраданія. Патріархъ среди профессорскаго круга по своимъ лѣтамъ, Эверсъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ. В. А. Жуковский, лично его знавшій, въ одномъ письмѣ къ А. Тургеневу называетъ его святымъ. Въ жизни университета наряду съ научными большое значеніе имѣютъ и личные нравственные достоинства, потому что достоинствами послѣдняго рода поддерживается и скрѣпляется достоинство внутреннихъ отношеній, вліяющихъ на формированіе міросозерцанія и нравственнаго характера молодыхъ поколѣній.

Въ научномъ отношеніи болѣе сильной личностью представляется однофамилецъ Лоренца Эверса—историкъ и правовѣдъ *Густавъ Эверсъ*, 12 лѣтъ бывший ректоромъ, при ежегодномъ избраніи. Въ своихъ трудахъ онъ трактуетъ объ историческомъ процессѣ съ точки зрѣнія внутреннего развитія, что было для его времени большой научной заслугой. Въ исторіи русскаго права Густавъ Эверсъ считается основателемъ теоріи родового быта. Дальнѣйшее развитіе теорія родового быта получила въ трудахъ Соловьева и Кавелина. Хотя эта теорія послѣдующими изученіями была устранена, но она сыграла громадную роль въ русской исторіографіи, какъ первая научно обоснованная попытка осмыслить русскую исторію. Въ этомъ смыслѣ сочиненіе Эверса „Das älteste Recht der Russen“ имѣетъ важное историческое значеніе.

Изъ первыхъ по времени дерптскихъ профессоровъ выдѣлялись Моргенштернъ, Вурдахъ и Мойеръ.

Моргенштернъ—живая, впечатлительная натура, человекъ съ солидной научной подготовкой, былъ профессоромъ классической филологіи и эстетики. Онъ энергично работалъ, какъ преподаватель, бібліотекарь, основатель и директоръ музея искусствъ. Онъ вносилъ въ преподаваніе широту воззрѣній и, такъ сказать, художественное настроеніе, которое содѣйствовало развитію научныхъ интересовъ.

Вурдахъ, анатомъ и фізіологъ, отличался широкимъ образованіемъ и живой любовью къ наукѣ. Не ограничиваясь университетскими лекціями, онъ основалъ въ 1811 г. первое медицинское ученое общество, но, по оплошности, не испросивъ ни у кого разрѣшенія и, къ его великому огорченію, обстоятельство это оказалось пагубнымъ для его дорогого дѣтища.

Мойеръ—знаменитый въ свое время хирургъ—хорошо извѣстенъ въ русской литературѣ по біографіямъ Жуковского и Широкова. Жуковский былъ его другомъ, Широковъ—ученикомъ. Широкая образован-

ность, прямодушіе и музыкальныя дарованія открывали ему просторъ для вліянія и внѣ университета.

Самымъ знаменитымъ питомцемъ дерптскаго университета перваго періода его существованія—является славный естествоиспытатель *Бэръ* (1792, † въ Дерптѣ 1876). Онъ изучалъ въ дерптскомъ университетѣ медицину (1810—1814). Въ положеніи члена Императорской академіи наукъ *Бэръ* предпринялъ нѣсколько путешествій для изслѣдованія Россіи и представилъ обширныя и цѣнныя изслѣдованія о рыболовствѣ на берегахъ Балтійскаго и Каспійскаго морей. При большой философской глубинѣ сочиненія Бэра отличаются ясностью и точностью изложенія. Онъ занимался преимущественно эмбриологіей. Эта наука обязана Бэру главными своими основаніями. Его „*Entwicklungsgeschichte der Thiere*“ въ 2 т. (1828—1837 г.) сочиненіе—составляющее эпоху въ эмбриологіи. Съ именемъ Бэра въ зоологіи связанъ такъ называемый „Законъ Бэра“, объясняющій, почему въ нашихъ рѣкахъ правый берегъ бываетъ высокій, а лѣвый низменный, почему рѣки, очевидно, стремятся отъ лѣваго берега къ правому. Бэръ въ русскомъ изданіи „Морскомъ Сборникѣ“ 1858 г. объяснилъ это природное явленіе совокупной дѣятельностью вращенія земли и движенія воды въ рѣкахъ меридіональнаго или близкаго къ нему направленія. Законъ Бэра оказался примѣнимъ къ морскимъ теченіямъ и проливамъ.

Одновременно съ Бэромъ въ дерптскомъ университетѣ учился *Струве*—громкое имя въ астрономіи, глава цѣлой семьи ученыхъ астрономовъ широкой европейской извѣстности. Подобно Бэру, это былъ типичный для многихъ лучшихъ дерптскихъ профессоровъ нѣмецко-русскій ученый, Friedrich Georg Wilhelm Struve, равно и нераздѣльно Василій Яковлевичъ Струве. Приглашенный на мѣсто директора пулковской обсерваторіи, онъ поднялъ ее на такую научную высоту, что эта обсерваторія получила славу „астрономической столицы земного шара“. Знаменитѣйшія его работы посвящены измѣренію двойныхъ звѣздъ (*mensurae micrometricae*, 1837 г.) и градуснымъ измѣреніямъ (*Arc du meridien...* 1857). Практическое значеніе научной дѣятельности Струве также весьма велико. Пулковская обсерваторія надолго стала центромъ дѣятельности русскихъ геодезистовъ. Здѣсь они получали образованіе; здѣсь снаряжались всѣ географическія и геодезическія экспедиціи; здѣсь же производилась обработка ихъ результатовъ.

Одновременно въ дерптскомъ университетѣ получили превосходную медицинскую подготовку два весьма видныхъ въ лѣтописяхъ русской медицинской науки практическихъ врачей—Пироговъ и Иноземцевъ, оба занимавшіеся хирургіей, подъ руководствомъ Мойера.

Заслуги *Н. И. Пирогова*, какъ ученаго врача, оператора и педагога, такъ велики и общеизвѣстны, что нѣтъ надобности о нихъ здѣсь распространяться. По отзыву специалистовъ, Пироговъ одинъ изъ величайшихъ врачей и педагоговъ XIX ст. и по сіе время самый выдающійся авторитетъ во военно-полевой хирургіи. И тѣмъ болѣе заслуживаетъ признательности дерптскій университетъ, гдѣ онъ учился, гдѣ, по предложенію своего учителя-профессора Мойера, онъ въ 1836 г. впервые занялъ кафедру хирургіи, завѣдывалъ клиниками, издавалъ изслѣдованія на нѣмецкомъ языкѣ и былъ однимъ изъ любимѣйшихъ профессоровъ.

Что Пироговъ вынесъ изъ Дерптскаго университета не только научныя свѣдѣнія, но и нѣкоторыя соціальныя убѣжденія, можно убѣдиться на основаніи собственныхъ его показаній. Такъ, въ одномъ изъ своихъ сочиненій Пироговъ говоритъ: „Корпоративное устройство студенчества — важное дѣло въ отношеніи порядка и благочинія. Въ этомъ я достаточно убѣдился въ бытность мою въ Дерптѣ учащимся и профессоромъ. Съ неорганизованною, безпорядочною и разношерстною толпою молодыхъ людей ничего ни подѣлаешь. По моему, просто безуміе со стороны начальниковъ разглагольствовать съ собравшеюся толпою студентовъ. Это значитъ вести себя и молодежь въ бѣду безъ всякой пользы для общаго дѣла. Учрежденіе корпорацій въ нашихъ русскихъ университетахъ по образу дерптскаго, конечно, немыслимо. Въ Дерптѣ, какъ и въ германскихъ университетахъ, корпоративное дѣло есть дѣло традиціонное. А у насъ нѣтъ для него почвы. Но тѣмъ не менѣе, пока не придумаютъ въ нашихъ университетахъ учредить тѣмъ или другимъ способомъ студенческаго представительства, правильно организованнаго, пусть университетское начальство не рассчитываетъ на свое вліяніе и воздѣйствіе на учащуюся молодежь. Тогда ничего не остается иного, какъ начальство университета; профессора, ректоры — сами по себѣ, а студенты — сами по себѣ, а для порядка и благочинія — городская полиція. Это неминуемо. Но нравственно — научное значеніе университета многое утратить“. Слова эти оказались пророческими, и нашли себѣ полное подтвержденіе.

Не малой извѣстностью пользовался товарищъ Пирогова по Дерпту, прошедшій передъ тѣмъ два факультета харьковскаго университета, профессоръ хирургіи въ московскомъ университетѣ *Ө. И. Иноземцевъ*, который получилъ свое научное крещеніе въ Дерптѣ подъ руководствомъ Мойера, въ Дерптѣ получилъ ученую степень доктора, и впоследствии въ Москвѣ былъ однимъ изъ наиболѣе образованныхъ врачей и любимыхъ практиковъ, былъ первымъ предсѣдателемъ общества врачей, издавалъ медицинскую газету.

Глубокое научное вліяніе дерптскаго университета въ 20-хъ годахъ было обусловлено, между прочимъ, однимъ важнымъ обстоятельствомъ—учрежденіемъ въ 1822 г. при дерптскомъ университетѣ „Профессорскаго института“ на двадцать „природныхъ россіянь“ для замѣщенія профессорскихъ кафедръ въ 4 тогдашнихъ университетахъ. По счастливому стеченію обстоятельствъ, въ этомъ институтѣ на первыхъ же порахъ его существованія явились такіе даровитые „природные россіяне“, какъ Пироговъ, Иноземцевъ, Рѣдкинъ.

Замѣчательно, что и *П. Г. Рѣдкинъ*, бывшій впоследствии профессоромъ философіи права въ московскомъ и петербургскомъ университетахъ и членомъ Государственнаго Совѣта († 1891), обнаружилъ такую же разносторонность научныхъ интересовъ и стремленіе поставить науку въ живое соприкосновеніе съ современностью. Подобно Пирогову, Рѣдкинъ живо интересовался вопросами воспитанія и написалъ нѣсколько педагогическихъ статей. Подобно Иноземцеву, онъ принялся за популяризацию науки путемъ печати и, въ бытность свою профессоромъ въ Москвѣ, издавалъ въ 1841 г. „Юридическія записки“, а въ 1843 г. „Библіотеку для воспитанія“.

Съ именемъ дерптскаго „Профессорскаго института“ тѣсно связаны имена двухъ выдающихся харьковскихъ профессоровъ—Лунина и Валицкаго. Оба были въ Профессорскомъ институтѣ, оба окончили курсъ въ 1832 г. со степенью доктора по философскому факультету. Валицкій былъ изъ питомцевъ Виленскаго университета, а Лунинъ—изъ Дерптскаго. Впоследствии Валицкій († 1858) былъ выдающимся профессоромъ харьковскаго университета по кафедрѣ греческой словесности, а Лунинъ († 1844) по кафедрѣ всеобщей исторіи.

И въ новое время дерптскій университетъ обладалъ крупными научными силами. Такъ, тутъ учился и былъ профессоромъ знаменитый современный хирургъ и клиницистъ, профессоръ берлинскаго университета Бергманъ. Здѣсь получилъ образованіе Кейслеръ, одинъ изъ лучшихъ изслѣдователей русской земельной общины. Здѣсь занималъ профессорскую кафедру въ 80-хъ годахъ одинъ изъ лучшихъ современныхъ лингвистовъ Бодуэнъ де Куртене, извѣстный русскій историкъ Брикнеръ и мн. др.

Въ настоящее время въ Юрьевскомъ университетѣ работаетъ уже много русскихъ профессоровъ—А. Н. Филипповъ, ректоръ, бывшій недавно въ Харьковѣ председателемъ юридической государственной испытательной коммисіи, М. А. Дьяконовъ (авторъ сочувственныхъ некрологовъ о харьковскихъ профессорахъ И. И. Дитятинѣ и И. М. Собѣстіанскомъ), Е. В. Штуховъ—авторъ многихъ цѣнныхъ изслѣдо-

ваній по исторіи русской литературы, Е. Ф. Шмурло—извѣстный русскій историкъ, В. Э. Грабарь, Д. Кудрявскій, А. Н. Ясинскій, А. Н. Ардашовъ, А. Н. Миклашевскій, Г. В. Левицкій—бывшій въ Харьковѣ проф. по кафедрѣ астрономіи и др.

Въ университетѣ лишь въ послѣдніе годы возобладалъ въ преподаваніи русскій языкъ и чрезвычайно возросло число русскихъ студентовъ. Ранѣе университетъ этотъ обслуживалъ почти исключительно Остзейскій край, т. е. три губерніи—Эстляндскую, Лифляндскую и Курляндскую, состоялъ почти исключительно изъ мѣстныхъ уроженцевъ и удовлетворялъ, главнымъ образомъ, мѣстныя культурныя нужды; потому и теперь на посткартахъ красуются часто рисунки стараго Дерпта, съ надписью: „von der guten alten Stadt Dorpat“... Симпатичная и поучительная черта питомцевъ юрьевского университета—глубокая привязанность къ своей *almae matris*. Въ университетскіе праздники получаютъ цѣлые вороха привѣтствій со всѣхъ концовъ культурнаго міра, отъ старыхъ и молодыхъ воспитанниковъ университета, причемъ русскіе люди не отстаютъ отъ своихъ нѣмецкихъ сотоварищей.

Университетъ расположенъ въ центрѣ городка, у подножія открытаго превосходнаго тѣнистаго парка. Зданіе небольшое, съ наружной стороны красивое и чистенькое, внутри сумрачное, тѣсное и грязное. Корридоры узкіе, темные и холодные; аудитории маленькія, съ низкими потолками, ничуть не лучше харьковскихъ второстепенныхъ городскихъ училищъ, съ такими же двумѣстными скамьями, какъ въ городскихъ училищахъ. Верхняя одежда размѣщается тутъ же, въ аудиторияхъ на стѣнкахъ. Небольшой торжественный залъ, маленькая православная церковь (при 1025 православныхъ студентахъ) и сравнительно большая новая и свѣтлая лютеранская церковь (при 374 студентахъ лютеранскаго вѣроисповѣданія).

Въ паркѣ стоитъ въ видѣ живописной развалины колоссальный католическій монастырь XV вѣка, нынѣ безъ оконъ, безъ крыши; но стѣны и боковыя опоры еще цѣлы. Какъ великъ и грандіозенъ этотъ обломокъ далекой старины, можно судить по тому, что въ одномъ лишь алтарѣ помѣщается (съ 1806 г.) университетская бібліотека, имѣющая нынѣ свыше трехсотъ тысячъ томовъ. Какъ велики окна монастыря, видно изъ того, что окно приходится на два этажа (всѣхъ этажей пять). Бібліотека, однако, преросла свое археологическое помѣщеніе, и нынѣ страдаетъ отъ тѣсноты; мѣстами книги размѣщены крайне компактно и въ такихъ темныхъ углахъ, что нельзя разсмотрѣть №№ на переплетныхъ корешкахъ.

Тутъ же въ паркѣ разбросаны разныя клиники небольшого размѣра, совсѣмъ крошечныя, сравнительно съ харьковскими; тутъ же въ сторонѣ возвышается невысокая бѣлая обсерваторія—мѣсто знаменитыхъ научныхъ подвиговъ Струве.

Въ томъ же паркѣ вблизи библіотеки, среди вѣчно зеленыхъ елей стоитъ памятникъ славному въ лѣтописяхъ русской науки Бэру, небольшой, но вполне художественный по замыслу и исполненію.

За памятникомъ идетъ спускъ, къ большой четырехугольной площадкѣ, гдѣ въ старое время мѣстное студенчество устраивало общія пирушки, гдѣ, по всей вѣроятности, и Жуковский нѣкогда распивалъ свои дружескія брудершафты съ мѣстными профессорами.

Кстати, о Жуковскомъ. Имя его тѣсно связано съ Дерптомъ. Здѣсь онъ часто бывалъ, здѣсь имъ написано много стихотвореній, здѣсь скончалась дорогая для него и воспѣтая имъ Марья Андреевна Мойеръ, надъ могилой которой онъ поставилъ памятникъ, сохранившійся до настоящаго времени. Въ прошломъ году одна изъ улицъ Юрьева была названа именемъ Жуковского и прибита доска на томъ домѣ, гдѣ онъ останавливался, когда везъ больного Батюшкова за границу для лѣченія.

Мѣстный ученый міръ занятъ былъ въ послѣднее время юбилейнымъ праздникомъ, выработкой проекта инструкции для кураторовъ и обсужденіемъ проекта 20% прибавки къ жалованью, и по всѣмъ этимъ пунктамъ состоялись рѣшенія, на мой взглядъ, вполне целесообразныя, и безъ большихъ хлопотъ.

Относительно кураторовъ составленъ проектъ весьма широкаго характера, который при осуществленіи не можетъ возлагать какія либо неисполнимыя обязанности ни на профессоровъ, ни на студентовъ, открывая, однако, для тѣхъ и другихъ возможность широкаго общенія на почвѣ взаимнаго довѣрія.

По вопросу о 20% прибавкѣ принята во вниманіе существующая система гонорара, и прибавка эта такъ разверстана, что почти совсѣмъ устранено гонорарное различіе профессорскаго вознагражденія, при чемъ эта 20% прибавка весьма основательно проектирована въ видѣ единовременной мѣры въ связи съ гонораромъ, а не жалованьемъ.

И съ трудной юбилейной задачей университетъ справился удачно, причемъ современные его представители изъ русскихъ ученыхъ сдѣлали въ этомъ отношеніи такіе крупныя вклады, которые во всякомъ истинно образованномъ русскомъ человѣкѣ могутъ вызывать лишь чувство глубокаго нравственнаго удовлетворенія.

Къ юбилею университетомъ изданы двѣ крупныхъ и цѣнныхъ работы—первый томъ исторіи юрьевскаго, бывшаго дерптскаго, универ-

ситета, обнимающій періодъ времени съ 1802 по 1865 г., составленный профессоромъ Е. В. Пѣтуховымъ, и первый томъ біографическаго словаря за все столѣтіе, составленный подъ редакціей бывшаго харьковскаго, нынѣ юрьевскаго профессора Г. В. Левицкаго, обнимающій біографіи профессоровъ богословскаго, физико-математическаго и юридическаго факультетовъ. Каждый томъ свыше 600 стр. Кроме того, профессоръ Пѣтуховъ издалъ статистическія таблицы и личные списки, ярко обрисовывающіе главныя перемены въ строѣ университета.

Одновременно на окнахъ книжныхъ магазиновъ появилось нѣсколько изслѣдованій о дерптскомъ университетѣ на нѣмецкомъ языкѣ. Во всякомъ случаѣ, пріятно отмѣтить, что главные труды принадлежатъ двумъ мѣстнымъ русскимъ ученымъ и занимаютъ крупное мѣсто, особенно трудъ проф. Е. В. Пѣтухова, какъ вполне самостоятельное изслѣдованіе, составленное въ значительной степени по первоисточникамъ и заключающее въ себѣ новые, до сихъ поръ неизданные матеріалы, напримѣръ, уставъ корпорацій. Такой трудъ имѣетъ значеніе не только въ приложеніи къ юрьевскому университету, но и для другихъ русскихъ высшихъ учебныхъ заведеній, въ особенности для харьковскаго университета, стоящаго наканунѣ собственнаго столѣтняго юбилея и только что приступившаго къ подготовкѣ соотвѣтствующихъ изданій.

Безспорно, что харьковскія изданія этого рода могутъ представлять большій общественный интересъ, чѣмъ юрьевскія, потому что харьковский университетъ въ большей степени служилъ всей Россіи, чѣмъ университетъ юрьевскій, и въ большей степени переживалъ разныя теченія. Дерптскій университетъ въ теченіе долгаго времени стоялъ обособленно и обслуживалъ лишь мѣстное остзейское населеніе, почти исключительно нѣмецкое. И теперь въ мѣстной юрьевской печати (одна нѣмецкая газета, двѣ эстонскія и ни одной русской), въ статьяхъ, посвященныхъ университету, *das Reich* упоминается лишь вкратцѣ и мимоходомъ, а три остзейскія губерніи „*insbesondere*“, т. е. съ подчеркиваніемъ. Понятно, что и для русскихъ ученыхъ составленіе, напимѣръ, біографическаго словаря профессоровъ харьковскаго университета можетъ быть гораздо пріятнѣе, чѣмъ пересмотръ нѣмецкихъ біографій дерптскихъ профессоровъ, и тѣмъ большая ихъ заслуга, что этотъ тяжелый трудъ выполненъ съ полнотой, объективностью, любовью къ учрежденію, къ наукамъ и ея дѣятелямъ безъ различія національностей или вѣроисповѣданій.

Не касаясь здѣсь содержанія трудовъ г. Пѣтухова и г. Левицкаго, какъ слишкомъ специальныхъ, мы остановимся въ двухъ—трехъ словахъ лишь на нѣкоторыхъ данныхъ „Статистическихъ таблицъ“, представляющихъ общій интересъ.

Оказывается, что въ первый годъ своего существованія юрьевскій университетъ имѣлъ всего 46 студентовъ, черезъ полвѣка 676, нынѣ 1876. Въ первый годъ всѣ слушатели были изъ Остзейскаго края, не считая 5 иностранцевъ; ни одного русскаго. Съ теченіемъ времени стали приливать студенты изъ внутреннихъ губерній Россіи, но въ небольшомъ числѣ, напр., въ 1852 г. всего было 238, т. е. $\frac{1}{3}$ общаго числа, и притомъ многіе изъ этого числа были также нѣмецкаго происхожденія и лютеранскаго вѣроисповѣданія. Собственно православныхъ въ 1878 году было всего 59 чел. (на 709 лютеранъ), 1891 г.—94 чел. (на 1,050 лютеранъ), но съ 1897 года, съ допущеніемъ семинаристовъ, составъ слушателей чрезвычайно быстро измѣнился, въ смыслъ громаднаго роста русскихъ, чему, разумѣется, нужно только радоваться, и замѣтной убыли мѣстнаго элемента, о чемъ приходится, наоборотъ, пожалѣть, такъ какъ интересы науки и образованія должны въ извѣстномъ возрастѣ стоять выше какихъ-либо другихъ соображеній и соотношеній. За послѣднее пятилѣтіе получились такіа цифры:

Г о д ы:	Правосл.	Лютер.
1895	91	565
1896	138	466
1897	282	419
1898	557	398
1899	715	360
1900	958	362
1901	1025	374

Дѣсять лѣтъ назадъ изъ гимназій поступило 1272, изъ другихъ учебныхъ заведеній 215 и ни одного семинариста; въ прошломъ году изъ гимназій всего 499, изъ семинарій 864 и другихъ учебныхъ заведеній 217.

Въ виду, очевидно, огромнаго роста русской учащейся молодежи, весьма желательно, чтобы ей оказываема была помощь и поддержка, напр., въ видѣ стипендій, чтобы она могла держаться рядомъ съ сравнительно богатой и хорошо обставленной нѣмецкой учащейся молодежью, имѣющей свои корпоративные дома, свои капиталы. Для многихъ, если не для большинства, русскихъ единственной опорой служатъ сельскіе батюшки и матушки, далекій и бѣдный православный церковный приходъ. Мѣстное Общество пособія нуждающимся студентамъ ограничивается небольшимъ контингентомъ русскаго населенія; нѣмецкое большинство стоитъ отъ него въ сторонѣ; у этого большинства имѣются весьма благоустроенные благотворительные кружки, строго ограничи-

вающіе свою дѣятельность исключительно національными и вѣроисповѣдными предѣлами, совершенно закрытыми для православныхъ русскихъ людей. Затѣмъ въ мѣстномъ нѣмецкомъ обществѣ господствуетъ чисто германскій взглядъ, что студентъ не можетъ и не долженъ быть бѣднымъ, взглядъ вполне естественный для богатаго нѣмецкаго студенчества и ни мало не отвѣчающій русской студенческой дѣйствительности.

Изъ краткаго академическаго отчета, прочитаннаго ректоромъ А. Н. Филипповымъ на второй день юбилейнаго праздника (13 декабря) видно, что въ Юрьевскомъ университетѣ къ 1 декабря 1902 г. всѣхъ студентовъ къ 1-му декабря числилось 1,676 человѣкъ: 135—на богословскомъ, 444—на юридическомъ, 603—на медицинскомъ, 138—на историко-филологическомъ и 254—на физико-математическомъ факультетахъ; кромѣ того, 108 слушателей фармаціи, 13 постороннихъ слушателей и 3 слушателей на правахъ студентовъ. Профессоровъ и приватдоцентовъ въ университетѣ—73 человѣка и 3 лектора по языкамъ (эстскому, латышскому и французскому).

Нужно только удивляться, какъ помѣщается такое большое число студентовъ въ малепькихъ аудиторіяхъ.

Празднованіе юбилея прошло по такой программѣ, напечатанной на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ:

П Р О Г Р А М М А

празднованія столѣтняго юбилея Императорскаго Юрьевскаго Дерптскаго
Университета

1902 г.

11 декабря, въ 6 часовъ вечера—всенощное бдѣніе въ православной университетской церкви.

„ въ 9 часовъ вечера—собраніе въ залѣ Бюргермуссе.

12 декабря, въ 9 час. утра—литургія и молебень въ православной университетской церкви.

„ въ 11 час. утра—богослуженіе въ лютеранской университетской церкви.

„ въ 12 час. дня—чай и завтракъ.

„ въ 1 час. дня—торжественное собраніе въ актовомъ залѣ университета.

„ въ 7 час. вечера—обѣдъ отъ университета въ залѣ Бюргермуссе.

13 декабря, въ 1 час. дня—торжественное собраніе въ актовомъ залѣ университета.

P R O G R A M M E

du jubilé Centenaire de l'Université Imperiale de Jourieff (ci-devant Dorpat)
1902.

11 Décembre, 6 h. du soir—Célébration des vêpres à l'église orthodoxe de l'Université.

„ 9 h. du soir—Réunion amicale dans la salle du club „Bürgermusse“.

12 Décembre, 9 h. du matin—Liturgie et Te Deum à l'église orthodoxe de l'Université.

„ 11 h. du matin — Service à l'église luthérienne de l'Université.

„ Midi—Déjeuner à la fourchette.

„ 1 h. après midi—Acte solennel dans la grande salle de l'Université.

„ 7 h. du soir—Banquet offert par l'Université dans la salle du club „Bürgermusse“.

13 Décembre, 1 h. après midi—Acte solennel dans la grande salle de l'Université.

P R O G R A M M

der Centenarfeier der Kaiserlichen Universität Jurieff (ehemals Dorpat)
1902.

11. December, 6 Uhr Abends — Vespersgottesdienst in der griechisch-orthodoxen Universitätskirche.

„ 9 Uhr Abends — Zwanglose Zusammenkunft in der „Bürgermusse“.

12. December, 9 Uhr Vormittags—Liturgie und Dankgottesdienst in der griechisch-orthodoxen Universitätskirche.

„ 11 Uhr Vormittags—Festgottesdienst in der evangelisch-lutherischen Universitätskirche.

„ 12 Uhr Mittags—Frühstück.

„ 1 Uhr Mittags—Festaktus in der Aula der Universität.

„ 7 Uhr Abends—Diner. gegeben von der Universität in Saale der „Bürgermusse“.

13. December, 1 Uhr Mittags—Festaktus in der Aula der Universität.

Уже эта программа указывает на стремление университетскаго начальства установить требуемый современными интересами и обстоятельствами юбилейный распорядокъ, чтобы на первомъ мѣстѣ стоялъ русскій языкъ, а нѣмецкій отвѣчалъ дѣйствительному современному положенію

Юрьевского университета. Эта тенденція проходила красной нитью черезъ весь юбилейный праздникъ и выдержана была довольно удачно, безъ пересоловъ съ одной стороны и безъ демонстраціи съ противоположной.

Богослуженіе совершалъ Рижскій архіепископъ Агаангелъ съ десяти священниками, изъ коихъ одинъ сказалъ проповѣдь объ отношеніи религіи и науки, не совѣмъ отвѣчавшую академической обстановкѣ. Одновременно въ лютеранской церкви пасторъ Ганъ говорилъ проповѣдь на текстъ изъ пр. Исаи гл. 43, ст. 16—21, съ призывомъ не жить только воспоминаніями о дорогомъ прошломъ, но съ твердой вѣрой въ Бога работать для будущаго. Первая проповѣдь носила общій характеръ нерасположенія къ свободному научному мышленію; вторая въ осторожной и прикровенной формѣ служила мѣстнымъ симпатіямъ.

Послѣ небольшого завтрака въ небольшой и тѣсной комнатѣ, многочисленные гости напомнили торжественный залъ. На эстрадѣ въ одну сторону, вправо отъ кафедры помѣстились за большимъ столомъ попечитель рижскаго учебнаго округа, П. О. Извольскій, ректоръ университета и профессоры, а съ другой стороны, слѣва отъ кафедры около 70 депутатовъ отъ разныхъ ученыхъ и учебныхъ учреждений. Въ партерѣ масса публики; на хорахъ, идущихъ вокругъ всей залы—студенты.

Университетское торжество шло въ такомъ порядкѣ: попечитель округа П. О. Извольскій прочиталъ Высочайшую грамоту, утверждающую русскій языкъ соотвѣтственно съ настоящими потребностями университета. Музыка исполнила вслѣдъ затѣмъ народный гимнъ. Далѣе послѣдовало чтеніе многочисленныхъ адресовъ—архіепископомъ Агаангеломъ отъ имени рижской епархіи, попечителемъ округа отъ имени Министра Народнаго Просвѣщенія и его товарища, депутатами отъ академіи наукъ, русскихъ университетовъ по возрасту ихъ, т. е. московскаго, казанскаго, харьковскаго и др., институтовъ горнаго, агрономическаго, путей сообщенія и др., многихъ ученыхъ обществъ, мѣстныхъ и иногородныхъ, мѣстныхъ среднеучебныхъ заведеній. Хотя чтеніе адресовъ заняло около четырехъ часовъ, но не исчерпало всего ихъ количества. Самыми видными моментами были, во первыхъ, торжественная овація присутствовавшему Менделѣву, послѣ его краткаго слова за процвѣтаніе свободы науки. Всѣ депутаты и публика поднялись съ своихъ мѣстъ, при громѣ аплодисментовъ и звукахъ музыки—въ честь маститаго русскаго ученаго. Затѣмъ взрывъ аплодисментовъ вызвало провозглашеніе гр. Л. Н. Толстого въ почетные члены университета. Это было по истинѣ достойное торжество русской науки и русской литературы, въ ея лучшихъ представителяхъ. Изъ адресовъ, прочитанныхъ

12 декабря, по разработкѣ, выдавались адреса Общества кіевскихъ врачей и петербургскихъ высшихъ женскихъ курсовъ. Въ числѣ ораторовъ особенное вниманіе привлекъ прекрасно владѣющій русскимъ языкомъ проф. Буайе—депутатъ французскаго министерства народнаго просвѣщенія и французскихъ университетовъ.

13 декабря состоялось второе торжественное засѣданіе, посвященное чествованію университета. Послѣ гимна „Боже, царя храни“ началось чтеніе адресовъ и телеграммъ, которые не могли быть прочитаны на первомъ засѣданіи. Такъ какъ, однако, такихъ привѣтствій университетомъ было получено нѣсколько сотенъ, то изъ нихъ по необходимости пришлось ограничиться прочтеніемъ только нѣсколькихъ десятковъ. Между прочимъ, сообщены были телеграммы отъ „старого студента“ П. Д. Боборыкина, отъ М. М. Ковалевскаго (изъ Парижа); эти имена были встрѣчены громомъ аплодисментовъ. Шумными одобреніями сопровождалось привѣтствія, на малорусскомъ языкѣ, отъ „Украиньського русскаго науковаго общества имени Т. Г. Шевченка“. Опубликованы телеграммы отъ министерствъ юстиціи и путей сообщенія, отъ Высочайше утвержденной комиссіи по преобразованію высшихъ учебныхъ заведеній, отъ редакцій нѣкоторыхъ изъ прибалтійскихъ газетъ и спб. „Herold“, отъ многихъ высшихъ столичныхъ и провинціальныхъ учебныхъ заведеній. Кромѣ того, немало телеграммъ получено изъ Старога и Новаго Свѣта: отъ академіи наукъ въ Римѣ, отъ университетовъ и ученыхъ обществъ Германіи, Франціи, Италіи, Испаніи, Бельгіи, изъ Америки и Константинополя. Бѣлградская высшая школа и чешскій музей въ Прагѣ также прислали свои поздравленія.

По окончаніи чтенія привѣтствій, проф. Е. В. Пѣтуховъ прочиталъ „Краткій историческій обзоръ жизни дерптскаго (теперь юрьевскаго) университета“ за столѣтнее его существованіе. Соотвѣтственно различнымъ уставамъ 1799, 1820 и 1865 гг., вводившимся въ университетъ, профессоръ различаетъ три періода въ его жизни: первые два— время широкой университетской автономіи, господства выборнаго начала, профессорскаго суда, и вмѣстѣ съ тѣмъ, время расцвѣта университета, когда въ немъ „жизнь была ключемъ“. Этотъ-то расцвѣтъ продолжался и въ первой половинѣ третьяго періода—съ 1865 до 1880 гг. Съ конца же 80-хъ годовъ, когда въ Прибалтійскомъ краѣ начались коренныя реформы, затронувшія самыя важныя стороны и университетскаго быта, внутренній строй и распорядокъ академической жизни быстро измѣняется. Вмѣстѣ съ тѣмъ, при увеличившемся количествѣ новыхъ каедръ и при возникшей потребности въ разнаго рода вспомогательныхъ учрежденіяхъ, университетъ сталъ испытывать крайнія матеріальныя

затрудненія, такъ какъ на бюджетъ университетскій продолжала ассигновываться та же сумма, какая ассигновывалась нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ. Профессоръ закончилъ выраженіемъ надежды, что всѣ эти „теневыя стороны“ не будутъ долго продолжаться, и вопросъ объ устраненіи ихъ является лишь дѣломъ времени. Свой очеркъ лекторъ закончилъ замѣчаніемъ, что на устраненіе этихъ печальныхъ явленій въ жизни университета можно возлагать надежды, не только въ виду культурныхъ задачъ, преслѣдуемыхъ университетомъ, но и въ виду его славнаго прошлаго. Недавно университеты высказались предъ высшими сферами власти относительно вопросовъ, затрогивающихъ всѣ стороны университетскаго быта,—и теперь они съ нетерпѣніемъ ждутъ отъ высшей власти окончательнаго разрѣшенія этихъ вопросовъ,—разрѣшенія, отъ котораго зависитъ дальнѣйшее существованіе университетовъ. Можно надѣяться, что разрѣшеніе это послѣдуетъ въ благопріятномъ смыслѣ, соотвѣтствующемъ лучшимъ ожиданіямъ всѣхъ друзей народнаго образованія...” Профессоръ закончилъ свое чтеніе при шумныхъ и продолжительныхъ аплодисментахъ аудиторіи.

Послѣ профессора Пѣтухова магистръ богословія профессоръ І. Х. Керстенъ въ краткихъ чертахъ представилъ исторію богословскаго факультета юрьевскаго университета за минувшее столѣтіе.

12 декабря были возведены имена ученыхъ, избранныхъ Совѣтомъ въ почетные члены юрьевскаго университета, а 13 дек. списокъ студентовъ, удостоенныхъ въ текущемъ году золотыхъ и серебряныхъ медалей за сочиненія на предложенныя университетомъ темы.

Въ виду того, что въ близкомъ будущемъ, вѣроятно, и харьковскому университету придется значительно расширить списокъ своихъ почетныхъ членовъ, предлагаемъ здѣсь списокъ юрьевскихъ избраній:

Въ почетные члены избраны: 1) проф. берлин. универ. Адольфъ Вагнеръ, 2) проф. петерб. ун. М. И. Горчаковъ, 3) проф. берлин. ун. Дерибурзь, 4) М. М. Ковалевскій, 5) проф. берл. ун. Листъ, 6) В. И. Сергѣевичъ, 7) Н. С. Таганцевъ, 8) В. Н. Чичеринъ, 9) б. проф. юрьевскаго ун. Энгельманъ, 10) акад. В. М. Бехтеровъ, 11) Д. И. Менделѣевъ, 12) проф. казан. ун. И. М. Догель, 13) И. И. Мечниковъ, 14) акад. О. В. Овсянниковъ, 15) проф. воен.-мед. акад. Павловъ, 16) б. проф. моск. ун. И. М. Сѣменовъ, 17) проф. тюбинг. ун. Баумгартенъ, 18) проф. берл. ун. Бергманъ, 19) проф. нариж. ун. Бруардель, 20) проф. париж. ун. Корниль, 21) проф. лейпц. ун. Флесинъ, 22) проф. гейдельб. ун. Гегенбауеръ, 23) директ. берл. анат. біолог. инст. Гертвигъ, 24) проф. хирургіи въ Лондонѣ Горслей, 25) директ. вюрцб. анат. инст. Келликеръ, 26) проф. страсб. ун. Наувинъ, 27) проф. мадрид. ун. Рамонъ Кайаль

28) б. проф. стокг. ун. Рециусъ, 29) директ. берл. анат. инст. Вальдеверъ, 30) проф. фрейб. ун. Циглеръ, 31) А. Н. Пыпинъ, 32) В. И. Герье, 33) Н. П. Кондаковъ, 34) Е. Е. Голубинскій, 35) В. И. Ламанскій, 36) П. В. Никитинъ, 37) Д. О. Кобеко, 38) чл. париж. акад. н. Делнль, 39) В. В. Латышевъ, 40) И. И. Толстой, 41) И. В. Помяловскій, 42) гр. Л. Н. Толстой, 43) б. проф. юрьев. ун. Лео Мейеръ, 44) В. С. Иконниковъ, 45) проф. берл. ун. Конце, 46) Н. В. Бугаевъ, 47) проф. эрланг. ун. Корданъ, 48) лордъ Кельвинъ, 49) чл. париж. акад. н. Маскаръ, 50) проф. вѣнск. ун. Ханна, 51) А. С. Ермоловъ, 52) презид. вѣнск. акад. н. Зюсъ, 53) акад. Фр. Шмидтъ, 54) шотландскій ученый Мёррей, 55) проф. берл. ун. Энглеръ, 56) акад. М. С. Воронинъ, 57) проф. фрейб. ун. Вейсманъ и 58) проф. неап. унив. Дорнъ.

Въ доктора honoris causa избраны по богословскому факультету пасторъ Биленштейнъ и проф. варбург. ун. Вигандъ, по медицинскому М. П. Литвиновъ, по историко-филологическому факультету Д. Ф. Кобеко и Пирлингъ докторами русской исторіи и А. Н. Пыпинъ докторомъ исторіи русской литературы и по физико-математическому факультету директоръ русск. зоологической станціи въ Виллафранка М. М. Давыдовъ докторомъ зоологіи и И. И. Померанцевъ докторомъ астрономіи.

Если вникнуть въ списокъ почетныхъ членовъ, то при всемъ обиліи именъ и несомнѣнной ихъ почетной извѣстности, нельзя не признать значительныхъ недочетовъ и замѣтныхъ пропусковъ. Такъ, странно совершенное отсутствіе славянскихъ ученыхъ, и этотъ крупный пробѣлъ говоритъ вовсе не объ отсутствіи среди западныхъ и южныхъ славянъ достойныхъ ученыхъ, а о недостаточной постановкѣ славяновѣдѣнія въ самомъ юрьевскомъ университетѣ. Станнымъ также представляется полное отсутствіе нѣкоторыхъ русскихъ университетовъ. Можно съ увѣренностью сказать, что и тутъ причиной были мѣстные недосмотры и недостатокъ взаимнаго знакомства русскихъ университетовъ. Если для Юрьевского университета такой недосмотръ вполнѣ извинителенъ, по недавнему вступленію его въ семью русскихъ университетовъ, то онъ былъ бы совсѣмъ неизвинителенъ, напр., для харьковского университета, если бы только послѣдній оплошалъ въ этомъ отношеніи на своемъ столѣтнемъ юбилей.

Подготовка и проведеніе университетскаго торжества по поводу столѣтія университета—дѣло очень трудное, и избѣжать тутъ недочетовъ мудрено. Для предстоящаго Харьковского университетскаго юбилея мы пожелаемъ бы, въ видѣ дополненія, окончательную подготовку и открытіе памятника В. Н. Каразину и устройство университетской выставки, на которой были бы собраны портреты университетскихъ дѣятелей, ихъ научные труды и т. п.

Особенно трудно, хлопотливо и отвѣтственно положеніе ректора, и нужно отдать справедливость А. Н. Филиппову, что онъ весьма искусно справлялся съ своей сложной задачей. Волей неволей ему пришлось произнести цѣлый рядъ рѣчей, и всегда его рѣчи отличались краткостью, выдержанностью и тактомъ. Въ заключеніе перваго дня собранія г. Филипповъ благодарилъ всѣхъ присутствующихъ отъ имени университета. Небольшая рѣчь была построена на симпатичной идеѣ, что живое сочувствіе ученыхъ учреждений къ юрьевскому университету является отзвукомъ обнаруживающагося въ русскомъ обществѣ широкаго стремленія къ народному образованію.

Въ засѣданіи 13 декабря ректоромъ былъ прочитанъ академическій годовой отчетъ.

Какія бы чувства ни волновали мѣстное нѣмецкое общество, его отношеніе къ юбилейному празднику и къ пріѣхавшимъ гостямъ было вполне деликатное, осторожное и корректное. Въ самомъ городѣ университетское торжество, повидимому, не нашло отзыва, кромѣ оффиціального обѣда, — по крайней мѣрѣ, на улицахъ не было замѣтно какихъ либо украшеній или сочувственныхъ демонстрацій. Толпа зрителей спокойно стояла передъ университетомъ, съ равнодушнымъ любопытствомъ разсматривая своихъ гостей, между которыми было много высоко-чиновныхъ, въ разнообразной мундирной формѣ. Для мѣстныхъ обывателей все это было въ диковину, тѣмъ болѣе, что мундиръ почти совсѣмъ не привился на мѣстѣ; вмѣсто него господствуетъ черный фракъ съ знакомъ ученой степени.

Для опредѣленія мѣстнаго настроенія большой интересъ представляетъ юбилейный 278 № мѣстной нѣмецкой газетѣ „Nardlivländische Zeitung“.

Тутъ въ передовой статьѣ приведено, между прочимъ, стихотвореніе:

Aus der Jugendzeit, aus der Jugendzeit.

Klingt ein Lied mir immerdar.

Ach, wie liegt so weit, ach wie liegt so weit,

Was *mein*, was *mein* einst war.

Стихотвореніе прекрасное, но не въ немъ, очевидно, тутъ сила, а въ дважды подчеркнутомъ *mein*, обнаруживающемъ довольно узкую мѣстную тенденцію.

Спора нѣтъ, каждый университетъ имѣетъ и долженъ имѣть мѣстное значеніе, но сводить весь университетъ на какую то чуть не личную мѣстную собственность, по меньшей мѣрѣ, не отвѣчаетъ широкимъ задачамъ науки.

Еще болѣе эта узкая своекорыстная точка зрѣнія выступаетъ въ слѣдующемъ мѣстѣ передовой статьи:

Das Alles war unser. Aber Vieles von dem, was wir auf unserer Universität errungen und überkommen haben, ist auch heute noch unser und kann unser bleiben—an Wissen und Gesinnung, an Lebenshaltung und Lebensinhalt, an Erinnerungsgut und Erinnerungskraft, an „Sehnsucht zum Licht“. Und Etwas davon wird auch für alle Zukunft fortleben—

Denn keine Zeit und keine Macht zerstückelt

Geprägte Form, die lebend sich entwickelt.

Т. е. „Все было наше, и многое изъ того, что нами достигнуто, и теперь остается нашимъ и можетъ такимъ и впредь оставаться въ знаніи и настроеніи, въ образѣ и обиходѣ жизни, въ сокровищницѣ именъ и воспоминаній, въ „стремленіи къ свѣту“. И вѣчно будутъ имѣть значеніе слова поэта, что „никакое время и никакая власть не разрушатъ такой формы, которая возникла какъ результатъ внутренняго жизненнаго творчества“.

Несомнѣнно, тутъ есть доля истины. Русскіе профессора, на моихъ глазахъ, поднимали бокалы за своихъ почтенныхъ предшественниковъ и товарищей, и Петръ Великій когда то пилъ за здоровье своихъ учителей шведовъ, но это не помѣшало ему учиться самостоятельно и вести свою великую національную линію. „Sehnsucht zum Licht“ не представляетъ исключительно мѣстнаго явленія, и несомнѣнно желательно, чтобы свѣтъ знанія изъ юрьевскаго университета шелъ не только до Чудскаго озера, но и до Великаго океана, что, разумѣется, гораздо болѣе облегчается русскимъ, чѣмъ нѣмецкимъ языкомъ.

Профессорская коллегія принимала своихъ пріѣзжихъ гостей въ высокой степени радушно и привѣтливо; 11-го частный обѣдъ у ректора, 12-го обѣдъ отъ университета на 250 человѣкъ съ многочисленными рѣчами, „Gaudeamus“, и въ частности—отдѣльные русскіе профессора съ товарищескимъ радушіемъ принимали своихъ университетскихъ коллегъ.

Общее впечатлѣніе отъ праздника хорошее — русскій языкъ и русскіе люди, очевидно, завоевали себѣ прочное положеніе, и юрьевскій университетъ вошелъ въ семью русскихъ университетовъ на дружныхъ товарищескихъ началахъ, и хотя юрьевскому университету, какъ русскому, всего около десяти лѣтъ, но въ его средѣ уже не мало молодыхъ, бодрыхъ, и свѣжихъ научныхъ силъ, и остается только пожелать ему дальнѣйшаго преуспѣянія въ пользу и мѣстнаго края, и всей великой земли русской.

Заканчивая свои замѣтки о юрьевскомъ университетѣ, считаю своимъ пріятнымъ долгомъ выразить глубокую благодарность совѣту харьковскаго университета, который, ноставивъ меня въ положеніе своего депутата, оказалъ мнѣ тѣмъ высокую честь, и вмѣстѣ съ тѣмъ предоставилъ мнѣ возможность лично ознакомиться съ далекимъ прибалтійскимъ краемъ, съ старо-нѣмецкимъ Dorpat и современными уважаемыми русскими дѣятелями на почвѣ возстановленнаго въ своемъ старомъ русскомъ княжескомъ имени Юрьева — живописнаго и симпатичнаго городка. Да процвѣтаетъ же и впредь бывшій дерптскій, нынѣ юрьевскій университетъ въ области научнаго знанія, въ сферѣ общаго труда на пользу Россіи и мѣстнаго края!

Проф. Н. О. Сумцовъ.
